

В НАРКОМВНУДЕЛ СССР

Публикация Т.Фоогд-Стойановой. *Амстердам*
"Наше наследие", 1989, No 4
[OCR Бычков М. Н.](#)

Административно высланного в город
Одессу Пяста Владимира Алексеевича,
жительство имеющего в Одессе,
Рождественский пер., д. No 7, кв. 1

ЗАЯВЛЕНИЕ

6 февраля 1936 года кончается мой срок высылки в Одессу, после чего в силу общего положения о судимости, мне не может быть выдан паспорт ни в Москве, откуда я выслан, ни в Ленинграде, где я родился и жил, ни даже в Одессе, куда я постановлением особого совещания ОГПУ от 28 января 1933 г. при пересмотре дела No 97792 (Москва 1930) был, получив "- 3 с прикреплением", выслан, - и выйдет, что, отбыв наказание, я могу очутиться в худшем положении, чем во время его отбывания.

Вся моя жизнь, с 18 лет (с 1905 г.) протекала на службе искусству, а именно творчеству в области поэзии, а также исполнению произведений поэзии (декламации). Перечень моих трудов до ссылки в их связи и последовательности прилагаются в справке No 1. В 1930 г. моя деятельность как декламатора прервалась (но писательская продолжалась), вследствие привлечения меня по вышеназванному делу и высылки в Севкрай на 3 года. Я пробыл в Архангельске до конца 1930 года, работая главным образом над задуманной ранее своей большой поэмой и немного в местной прессе и "Северолесе", а с января 1931 г. после короткого пребывания в Вологде, где я заболел, оказался в гор. Соколе, где, наряду с подбором материалов по II тому своего "Современного стиховедения" (1-ый том которого, в 377 страниц, в 1931 г. был издан) работал в местном пригородном хозяйстве табельщиком. Когда в 1932 г. всех ссыльных из Сокола удалили, мне, поселенному вблизи, в городке Кадникове, в скором времени было разрешено вернуться на работу в Сокольском хозяйстве, но я, занятый своей новой поэмой, теперь оконченной, остался в Кадникове.

Осенью 1933 года я, кроме того, занялся переработкой одного из своих стихотворных переводов Тирсо де Молина для издательства "Academia", а в 1934 г. по договору с этим издательством, приготовил перевод в стихах из другого испанского классика, Лопе де Вега, комедию "Собака садовника".

Этим, а равно окончанием "Поэмы о трех городах" - о Петербурге - Петрограде - Ленинграде - я и занялся в Одессе, в которой живу с 1933 г.

Для собирания материалов по последней поэме Оргкомитет ЛССП выхлопотал для меня разрешение остаться на несколько дней в Ленинграде на пути моем из Кадникова в Одессу; его отношение в Одесское ГПУ прилагаю в доказательство внимания ко мне, как поэту, со стороны компетентного органа.

Прожив в Одессе около двух лет, я не связан с городом никакой из него исходящей работой. Со стороны местных органов НКВД не встречалось препятствий для использования меня по специальности где бы то ни было; однако прием, оказанный мне в феврале 1935 г. в Доме прессы и в газете "Черноморская коммуна", когда мне пришлось осведомить эти органы о моей судимости, отбил всякую охоту продолжать поиски в этом направлении. По счастью, однако, и в 1935 году я получил работу из Москвы и Ленинграда по обоим моим специальностям, а именно: от Ленинградского театра Акдрамы заказ на перевод в стихах другой комедии Лопе де Вега "Валенсианские безумцы" и от ГОСТИМ'а - заказ на составление декламационной партитуры к постановке в дни Пушкинских торжеств в 1937 г. "Бориса Годунова". Руководитель театра В. Э. Мейерхольд, по словам сотрудника газеты "Литературный Ленинград" (No 127-41 1935 г.), в следующих словах своей беседы с ним говорит об этом:

"В противоположность другим театрам я начинаю работу не с обстановочной и не с